

Мурзилка

МАЙ
№ 5
1975

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

1945

1975

30

ЛЕТ НАЗАД
ОКОНЧИЛАСЬ
ВЕЛИКАЯ
СОВЕТСКИЙ

Наш народ под руководством ленинской партии с оружием в руках отстоял Родину и освободил народы Европы от фашизма. Это была Великая Победа!

Победа! Как ждали тебя в трудное время войны! Как торопили твой приход! Никто не жалел сил, чтобы скорее разбить врага. И совершилось это в самую прекрасную пору весны — 9 мая 1945 года.

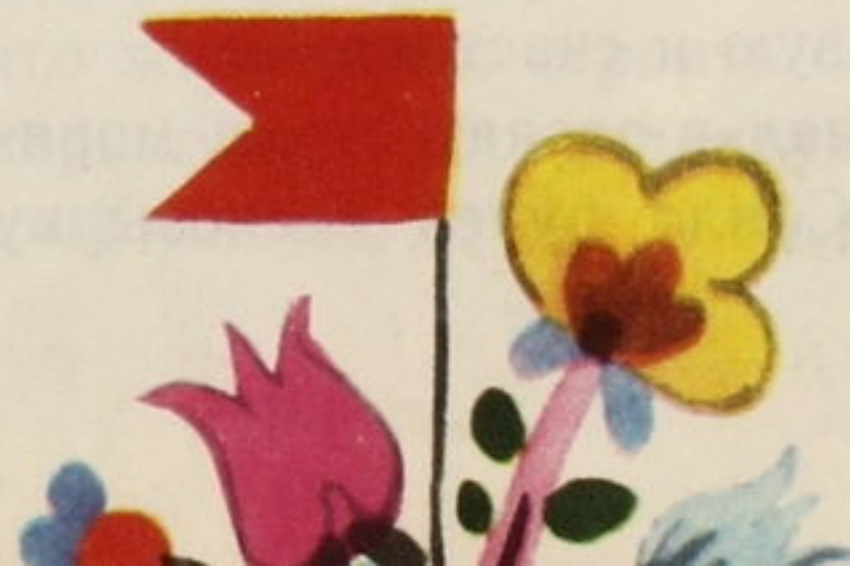
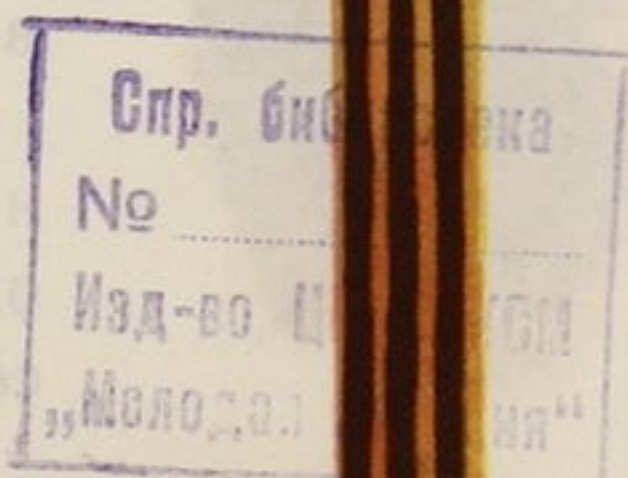
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА. НАРОД ПОБЕДИЛ ФАШИСТОВ!

Майский праздник —
День Победы
Отмечает вся страна.
Надевают наши деды
Боевые ордена.
Их с утра зовёт дорога
На торжественный парад,
И задумчиво с порога
Вслед им
Бабушки глядят.

Тимофей БЕЛОЗЁРОВ

Дети Советской страны! Вы не просто мальчики и девочки. Вы — внуки и внучки победителей. Читайте тех, кто завоевал победу. 9 мая отнесите цветы к памятникам павшим героям. Скажите ласковое слово знакомым и незнакомым людям. И радуйтесь, и смейтесь, играйте и распевайте песни. Пусть в этот день не будет конца радости. Ваши деды и воевали за то, чтобы у нас на земле была радостная жизнь.

Рис. Ю. МОЛОКАНОВА

Валерий ВАНИЧЕВ

Дядя у меня в Музее Революции работает. Я люблю к нему туда ходить. Хожу смотрю пулемёты, сабли, знамёна разные.

И когда идёшь и про всё читаешь, то каждая вещь, которая по-музейному «экспонатом» называется, такая вдруг важная оказывается. С ней люди в бой ходили, врагов побеждали, берегли её. Однажды я увидел матросскую бескозырку, старенькую уже, ничем как будто не замечательную. И вот какую историю узнал о ней.

Б Е С К О З Ы Р К А

Рис. Н. УСТИНОВА

Лихо, набекрень сидела она на бывалом матросе. Ветер раздувал ленточки с золочёными якорями.

Готовились моряки в последний, решительный бой против буржуев. В серой мгле сырого Петрограда раздался выстрел с крейсера «Аврора» — сигнал Октябрьской революции.

И пошла, закружилась бескозырка в снежной вьюге-атаке под Псковом, в штыковой схватке под Царицыном, поспевая туда, где особенно наседали враги Советской власти. И повторял её хозяин, матрос революции, слова:

«Ну, братишки, теперь нам всему учиться надо, вот кончится война, и начнём жизнь строить самую хорошую, справедливую и счастливую».

Попал в засаду отряд моряков. Сбило пульей бескозырку

у матроса. И самого уложило бандитским выстрелом.

Лежит под курганом, заросшим бурьяном, матрос, партизан... Такой же храбрый и гордый, как Железняк из песни.

Хотели после боя бескозырку у могилы в изголовье положить, но подумал командир и надел её на прижившегося в отряде паренька... Помолчал и сказал:

«Был он настоящий революционный матрос. Не позорь, Микола, его звание».

И бил Микола вместе со своими друзьями белых панов, псов-атаманов и ни на один день не снимал бескозырку — память о дорогом ему человеке.

Отгремела гражданская война, сел Микола за парту, ведь окончил он всего два класса сельской школы. И продолжал

носить бескозырку, помня наказ красного революционного матроса.

А когда напали фашисты на нашу землю и окружили город Севастополь, сошёл капитан корабля на сушу с отрядом моряков. Надел он свою старую бескозырку вместо капитанской фуражки и пошёл в бой. Сражался до последней капли крови и погиб на Сапун-горе. И лежала рядом с ним бескозырка. После боя хотели моряки бескозырку в изголовье положить, но сказал командир:

«Сберегите её до конца войны, и пусть она потом памятью для молодых будет».

И вот оказалась эта бескозырка в музее.

И хотя не сверкают на ней золото и бриллианты, как на царских коронах, но висит она на самом почётном месте, потому что дороже она нам любых украшений и драгоценностей.

Стоят возле неё в задумчивости седоусые моряки, с удивлением рассматривают иностранцы и, как бы прислушиваясь, останавливаются пионеры. И кто знает, может, слышится им голос революционного моряка:

«Ну, братишки, теперь нам всему учиться надо, потому что жизнь надо строить самую хорошую, справедливую и счастливую».

Лев КУЗЬМИН

ВЕРТОЛЁТИК- ВЕРТОЛЁТ

Рис. В. ПИВОВАРОВА

Отлично, если в доме
Есть чижик или ёжик.
Прекрасно, если в доме
Домашний лев живёт.
Но если бы сбывалось
Всё то, что пожелалось,
То я себе завёл бы
Домашний вертолёт.

Конечно, не огромный.
Но всё же настоящий.
Такой, чтоб сзади хвостик
С пропеллером торчал;
Такой, чтоб с управленьем,
С кабиной и сиденьем
И чтоб внутри моторчик
Мурлыкал и урчал.

Я вертолёту место
Отвёл бы в нашей спальне,
А сам бы спал на кухне.
Но это не беда!
Зато бы мы дружили
И дружбой дорожили,
И было бы нам вместе
Весело всегда.

Но вот, представьте, утро.
Бегут ребята в школу.
А я сижу спокойно,
Пью чай, не тороплюсь...
Ведь мне теперь дорожка
Не в двери, а в окошко:
По воздуху до школы
Я в пять минут домчусь!

Примчусь, дружка поставлю
Под липой у крылечка
И прямо на уроке
Учителю скажу:
— Глеб Карпович, простите,
Но, если вы хотите,
Я мигом вас на небо
На синее свожу...

— Хочу! Хочу! Желаю! —
Ответит мне учитель.
— И мы хотим-желаем! —
Подхватит хором класс.
И вот уже не в школе,
А в голубом просторе
Урок по географии
Продолжится у нас.

Мы с птичьего полёта
Увидим, как на карте,
Наш новенький посёлок,
Квадраты красных крыш;
А вдалеке, за пашнями,
Москву с мостами, башнями,
А может, даже Прагу!
А может, и Париж!

А вот я мчусь обратно...
Вдруг слышу, в переулке
Как будто кто-то плачет
И что-то там не так...
А там внизу соседку
Бубенчикову Светку
Преследует огромный
Рассерженный гусак!

Я мигом жму на тормоз
И лесенку бросаю.
Кричу: — Держись, Бубенчик! —
И Светку вертолёт
На воздух подымает,
Несёт и опускает
У Светкиного дома,
У Светкиных ворот.

И жмёт мне Светка руку,
И гладит вертолёттик,
И говорит:
— За помощь
Я вас благодарю!
Я вам обоим завтра,
А может, послезавтра,
Но всё же обязательно
Букетик подарю!

А вот ещё представьте:
Пришёл весенний праздник.
А на дворе ненастье,

И взрослые ребят
Гулять не отпускают,
На ключик запирают.
— Сидите лучше дома! —
Ребятам говорят.

Но я на вертолёте
Стрелой взмываю к тучам!
И так винтами сильно
Там крутит вертолёт,
Что тучи разлетаются,
И солнце зажигается,
И в небе над посёлком
Радуга встаёт!

И отперты замочки,
И вынуты цепочки.
Все двери пораспахнуты,
И детвора гурьбой
Навстречу ветру мчится
И пляшет, веселится
Под радугою алой,
Зелёной,
Голубой!

Нет, хорошо, что в доме
У нас и чиж, и ёжик...
И льва нам обещали!
Но всё-таки я жду,
Что скоро к ним в придачу
Я так или иначе
Ещё и вертолёттик
Домашний заведу!

Бывает же такое на свете: в один и тот же день отец Гугуцэ получил новый грузовик, и Гугуцэ перешёл во второй класс.

И вот Гугуцэ что есть духу мчится домой к маме со своей новостью, а с другого конца села туда же спешит отец на новой машине, сигналиит и машет людям рукой: «Сторонись!»

Половина села сразу же решила, что Гугуцэ торопится домой посмотреть, ка-

Спиридон ВАНГЕЛИ

СЫН ТЫ МОЙ, СЫНОЧЕК!..

кого цвета у папы грузовик, а другая половина не сомневалась, что отцу не терпится поскорее поздравить Гугуцэ с переходом во второй класс.

Бежит Гугуцэ, бежит, и вдруг со двора тётки Катерины послышалось:

— Никак это Гугуцэ?

— А то кто же?

Узнала тётка, в какой класс перешёл Гугуцэ, зазвала его в дом, набила ему карманы печеньем.

Раз такое дело, то не забежать ли по пути к другим родственникам?

Они словно сговорились: кто суёт мальчику за пазуху орехи, кто конфеты в портфель кладёт, а тётка Мэриоара

сказала, что человек только раз в жизни переходит во второй класс, и подарила курицу с цыплятами.

Гугуцэ растерялся: цыплят в портфель, а курицу куда?

Глядь, навстречу катит отец на новой машине. Гугуцэ даже рот разинул. Но отец от радости, что у него новая машина, голову-то из кабины высунул, а поздравить Гугуцэ забыл.

«Ага. Значит, грузовик тебе дали за то, что я перешёл во второй класс», — сообразил Гугуцэ. И — курица под мышкой — бегом к машине.

Отец обнял его, а заодно и курицу, завёл машину. Курица так раскудахталась, что люди издали принимали её за сигнал и убегали с дороги.

В селе у Гугуцэ как раз был базар. Вот люди и сновали туда-сюда, кто с гусём, кто с индюком под мышкой, кто подгонял прутиком поросёнка, а один парень тянул телёнка за верёвочку. А ещё несли корзины с яйцами, и круги свежего сыра, и всякую вкусную всячину, все были в прекрасном настроении и, увидев мальчика, махали ему.

«Ну и гулянье будет вечером в селе! — думал Гугуцэ. — Откуда столько народу узнало, что я перешёл во второй класс?»

На берегу Реута шла работа. Гугуцэ сказал отцу:

— Надо же! Стоило мне перейти во второй класс, и вот уже взялись строить новый мост через Реут.

Би-би! Квох-квох-квох! — соглашалась с ним машина, а отец молча восседал за рулём.

Перед домом на самом высоком дереве развевались два флажка, и между ними качалась шляпа Гугуцэ.

Отец въехал во двор. Окна были открыты настежь, двери тоже, и парадная, и кухонная, и даже дверь в погреб.

Заборы были украшены коврами, на верёвках висели все до одной рубашки, в каких Гугуцэ ходил в первый класс, а мама шла навстречу с тремя букета-

Перевёл с молдавского Валентин БЕРЕСТОВ

Рис. Н. ВОРОНКОВА

ми сирени: один — Гугуцэ, другой — отцу, третий она вложила в окошко грузовика.

Мама прижала мальчика к груди, и на глазу у неё выросла слеза:

— Сын ты мой, сыночек! Не успеешь оглянуться, а тебе уж не сегодня-завтра в армию идти! С кем останешься?

Гугуцэ не помнил себя от счастья:

«Шутка ли, окончить один класс! За такое дело колхоз даёт тебе машину, отца назначает шофёром, а мать готова тебя в армию проводить!»

— Гугуцэ, ты дома? — открывает калитку Гафия, дочь Тоадера Кадушки, с пустым ведром в руках. — Боже, какой большой ты у нас вырос!

А сама не видела Гугуцэ со вчерашнего дня.

— Ну-ка подставляй лоб, пришла тебя поцеловать! — И ставит рядом с Гугуцэ пустое ведро.

Намёк понят. Гугуцэ хватается ведро, мчится к колодцу и с полным ведром идёт во двор к соседке. Пока она беседовала с родителями Гугуцэ, мальчик успел наполнить водой все кастрюли, горшки, миски, кувшины, бутылки, налил до краёв корытце и даже целый бочонок — теперь Тоадеру Кадушке хватит воды до самой старости.

А на рассвете какой-то дедушка привязал корову к воротам Гугуцэ и вошёл во двор. Мальчик как раз протирал фары у машины, собирался ехать с отцом.

— Ай да Гугуцэ! — сказал дед. — С вечера село гудело, что ты во второй класс перешёл. Веду корову, а сам думаю: «Дай-ка заверну к Гугуцэ, порадуюсь, какой он стал!» — Дед усаживается на завалинку.

Кому ж теперь, как не мальчику, вести корову к пастуху!

— А-а, Гугуцэ! — снимает шляпу пастух. — Как же, как же, слышал! — И пожимает Гугуцэ руку.

Но и Гугуцэ тоже умеет подумать о других. Отпустил он пастуха домой и приглядывал за коровами до вечера.

В полдень отец на машине привёз ему обед, а потом пришёл почтальон, вручил письмо от пастуха, чтобы Гугуцэ не забыл коров напоить.

Вечером Гугуцэ вернулся с сумкой почтальона на боку, а все телеграммы, газеты, письма разнесли по дворам сами коровы прямо на рогах.

Тут в целом селе не осталось никого, кто бы не узнал, что Гугуцэ перешёл во второй класс. А чуть только построили новый мост через Реут, весть об этом разошлась и по другим сёлам.

Александр ЕКИМЦЕВ

ФРОНТ НАД ОБЛАКАМИ

ГЛАВЫ ИЗ ПОЭМЫ

В клубах дыма солнце гасло,
Расплавался горизонт.
К скалам древнего Кавказа
Подходил суровый фронт.

Фронт, дыша горячим ветром,
Оглушая тишину,
На два, на три километра
Забирался в вышину.

На два, на три, на четыре,
До безлюдной крутизны.
На таких высотах в мире
Прежде не было войны.

Ветры сносят в пропасть тропы,
Автоматы рвут из рук.
Здесь не выкопать окопа —
Лёд да камень лишь вокруг.

ВРАГ РВЁТСЯ К МОРЮ

Петляют стёжки горные,
В долине — шум реки.
«Айн, цвай!» — идут отборные
Фашистские полки.

Идут они к седеющим
Нагорным облакам,
Торопятся к синеющим
Под небом ледникам,

Чтоб взять вершины горные,
Пройти сквозь облака

И сбросить в море Чёрное
Советские войска.

КЛЯТВА

С крутизны оледенелой
Бьёт фашистский пулемёт.
Самым храбрым, самым смелым
Приподняться не даёт.

Командир сказал с тревогой:
«Мы заметны за версту,
И, хотя нас и немного,
Взять должны мы высоту.

Брать придётся со скалистой
Неприступной стороны —
Там, где нас не ждут фашисты
Ну а мы пройти должны!»

...В темноте вечерней светят,
Блещут лезвия штыков.

Друг за друга все в ответе,
И закон войны таков:

Если со скалы сорвёшься
В ледяную пропасть вдруг,
Будешь видеть смерть... но всё же
Затаи малейший звук.

Упади холодной льдиной,
Пропади, как след в росе!
А проронишь звук единый —
И тогда погибнут все...

Лейтенант шагнул: «Клянусь!
Если со скалы сорвусь —
В пропасть молча упаду,
Но отряд не подведу!»

Старшина шагнул: «Клянусь!
Если со скалы сорвусь —
Молча, льдинкой упаду,
Но солдат не подведу!»

И солдат шагнул: «Клянусь!
Если со скалы сорвусь —
Молча в пропасть упаду,
Никого не подведу!»

БОЙ НА ВЫСОТЕ

В непроглядной чёрной мгле
По снегам горбатым,
По обрывистой скале
Вверх ползут солдаты.

Камни острые вокруг —
Не подъём, а мука,
Оборвался кто-то вдруг,
Рухнул, но ни звука.

Ой ты, каменный карниз,
Холод руки гложет.
Кто-то снова канул вниз —
И ни звука тоже.

Ветра шум как шум реки,
Путь труднее к цели.
Лейтенант собрал штыки,
Стал вгонять их в щели.

Как по лестнице полез,
Изгибаясь ловко.
А когда вверху исчез,
Бросил вниз верёвку.

За солдатом лез солдат
По верёвке этой,
Прижимая автомат,
На груди согретый.

Командиром подан знак:
Час настал сразиться.

«Гутен морген, гутен таг —
С добрым утром, фрицы!»

Бой затих на высоте,
Жаркий бой, штыкастый.
...Ах, как жаль, что в темноте
Флаг не виден красный!

РАБОТЯГИ ОСЛИКИ

Горцы осликов ведут,
Им на спины вьюки вьют:
До чего ж выносливы
Работяги ослики!

Ввысь да ввысь взбираются
Тащат груз, стараются.
И на горных выступях
Не боятся выстрелов.

Встретятся два ослика
Небольшого ростика,
Но с большой сноровкою
Да с такой уловкою:

На тропе завьюженной
Ляжет ненагруженный —

Ляжет, как обученный,
Чтоб прошёл навьюченный.

Срочный груз тащи скорей —
Ждут солдаты сухарей.
Ждут патронов и гранат —
Пропустить тебя я рад!

«НАДО» И «ВПЕРЕД»

Степанян, Аржба, Геладзе,
Насреддинов, Борозна...
Всех солдат запомнишь разве,
Коль сошлась тут вся страна!

Крюков, Люков, Полишвили,
Ивановых сразу семь.
Но среди множества фамилий
Были две, известных всем.

Две — как высшая награда,
Что народ не зря даёт:
Старшину все звали — «Надо»,
А майора все — «Вперёд».

Впереди огня преграда —
Смертоносная стена.
Но встает, промолвив: —

Надо! —

Самым первым старшина.

— Поддержать отважных

надо! —

Прокричал майор: — Вперёд! —
И, команду дав отряду,
Впереди него встаёт.

И уже смешались «надо!»
И «вперёд, вперёд, вперёд!».
«Им преграда — не преграда!» —
Фронтной твердил народ.

...Так их в шутку называли,
Их любя прозвали так.
Ведь храбрее их едва ли
Кто-то был в огне атак.

ЗАЩИТНИК КАВКАЗА

Он стоял, советский воин,
Клятву верности храня,
Каждый день тут года стоил,
Каждый час тут стоил дня.

В трудный год, в лихую пору,
Сжав горячий автомат,
Он не прятался за горы,
Сын земли своей — солдат.

И суровою порою,
В трудный час, последний час
Каждый воин был героем
В смертной битве за Кавказ.

Рис. А. ЛИВАНОВА

ХУДОЖНИКИ НА ВОЙНЕ

Когда началась война, многие писатели, художники, композиторы, артисты пошли воевать. Пехотинцами, лётчиками, танкистами. Смело дрались они с фашистами, становились героями. Многие не вернулись с фронта.

В перерывах между боями художники рисовали. Моменты сражений, боевые машины, портреты фронтовых товарищей появлялись на страницах блокнотов. Потом, после войны, из этих рисунков и набросков рождались картины, которые воспевали великий подвиг нашего народа.

Художники были корреспондентами центральных и фронтовых газет. По заданиям редакций они выезжали на самые опасные участки боёв. Так создавалась художественная летопись войны.

Работы, помещённые на этих страницах, сделаны во время обороны Москвы. На рисунке А. Дейнеки вы видите, как преобразился привычный всем Манеж. Художники-декораторы нарисовали окна, чёрные и красные пятна и линии, чтобы фашисты не узнали его с воздуха во время бомбёжки. Манеж был замаскирован, как и весь центр Москвы.

Сейчас, когда мы празднуем тридцатилетие Победы, эти рисунки рассказывают нам о героической битве советского народа с фашистами.

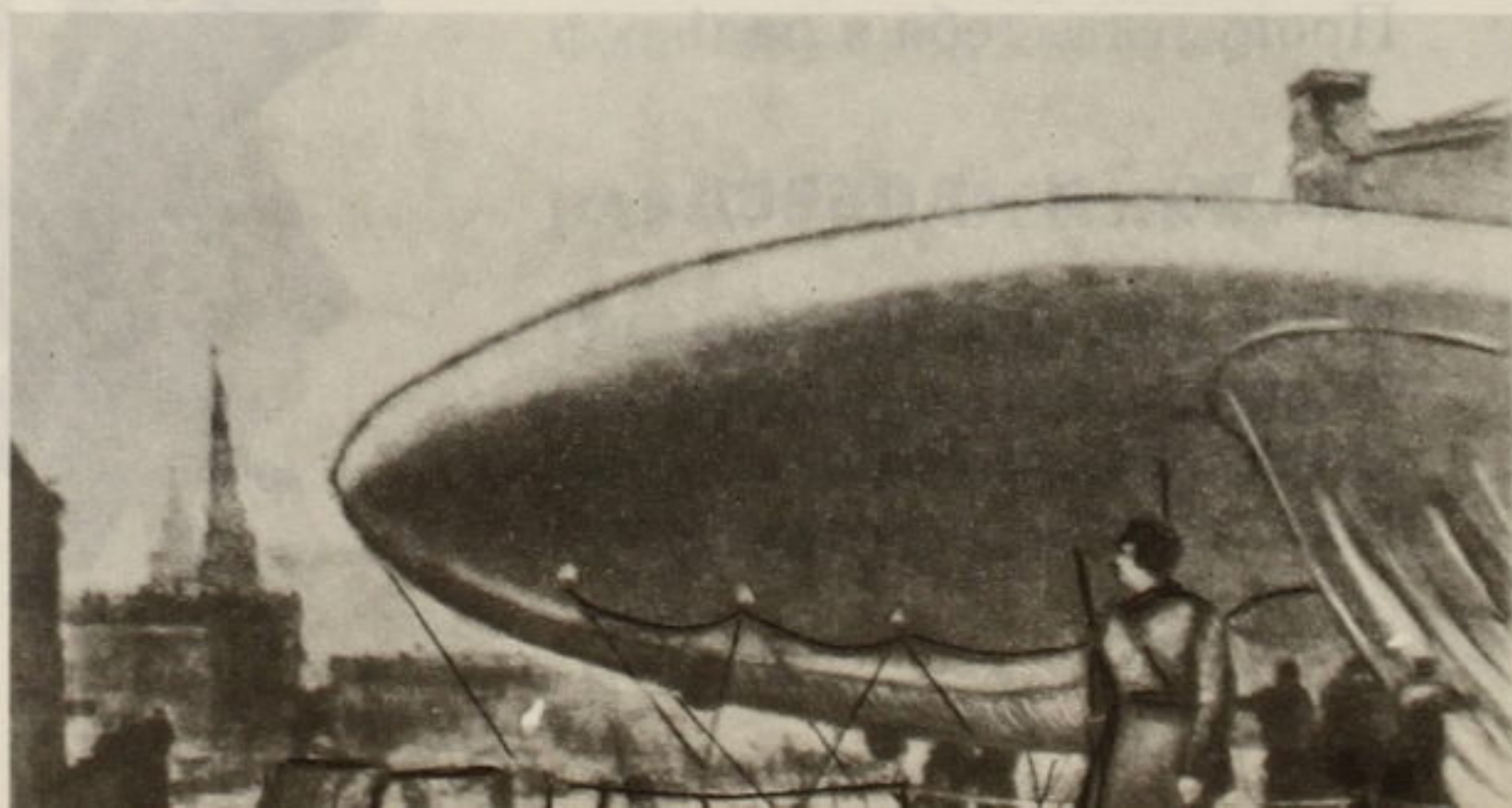

А. БУБНОВ. Снайпер в засаде.

А. ЛАПТЕВ. Кубанец.

Г. НИССКИЙ. Аэростаты воздушного заграждения.

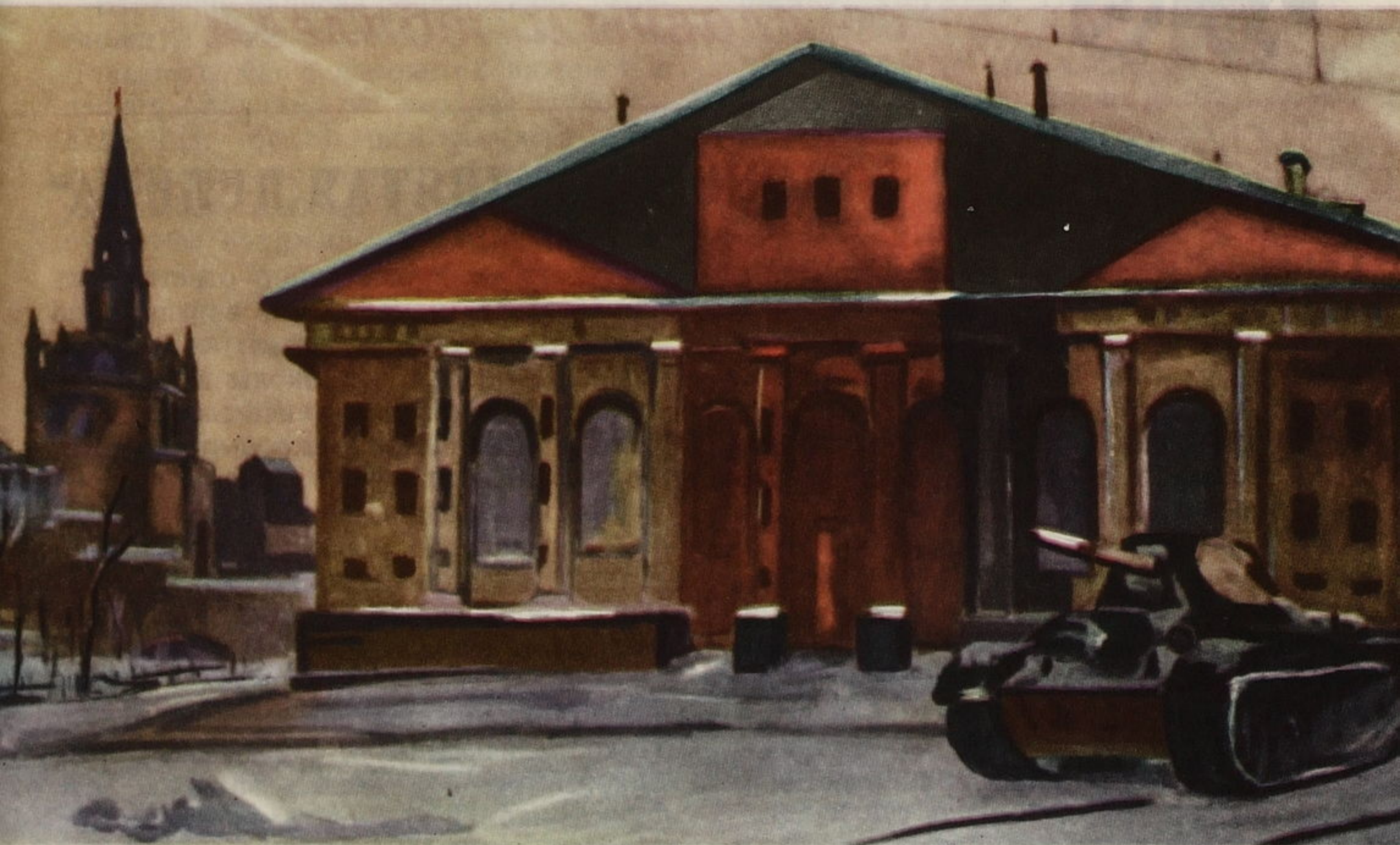

НИССКИЙ. В боевой полёт.

А. ЛАПТЕВ. Танковый экипаж.

А. ДЕЙНЕКА. Манежная площадь.

В. КУРДОВ.
Партизанский привал.

Г. БЕРШАДСКИЙ.
Тревожная ночь.

*В день семидесятилетия
журнал „Мурзилка“
и все его читатели
горячо поздравляют
Михаила Александровича
Шолохова
со славным юбилеем*

Михаил ШОЛОХОВ

ИЗ КНИГИ „ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА“

Давненько уже не переступал Давыдов порога школы, и теперь странное чувство испытывал он, стоя возле двери класса, сжимая в левой руке выгоревшую на солнце кепку. Что-то от давнего уважения к школе, некое сладостное волнение, навеянное мгновенным воспоминанием о далёких годах детства, пробудилось в его душе в эти минуты...

Он несмело открыл дверь и, покашливая, вовсе не оттого, что першило в горле, негромко обратился к учительнице:

— Разрешите войти?

— Войдите, — прозвучал в ответ тонкий девичий голос.

Учительница повернулась лицом к Давыдову, удивлённо приподняла брови, но, узнав его, смущённо сказала:

— Входите, пожалуйста.

Давыдов неловко поклонился.

— Здравствуйте. Вы извините, что помешал, но я на одну минутку... Мне бы осмотреть вот этот последний класс, я — насчёт ремонта школы. Я могу обождать.

Дети встали, нестройно ответили на приветствие, и Давыдов, взглянув на девушку, тотчас подумал: «Я — как прежний попечитель школы из строгих толстосумов... Вот и учителька испугалась, краснеет. Надо же было мне заявиться в этот час!»

Девушка подошла к Давыдову.

— Проходите, пожалуйста, товарищ Давыдов! Через несколько минут я закончу урок. Присядьте, пожалуйста. Может быть, позвать Ивана Николаевича?

— А кто это?

— Наш заведующий школой — Иван Николаевич Шпынь. Разве вы его не знаете?

— Знаю. Не беспокойтесь, я обожду. Можно мне побыть здесь, пока вы занимаетесь?

— Ну конечно! Садитесь, товарищ Давыдов.

Девушка смотрела на Давыдова, говорила с ним, но всё ещё никак не могла оправиться от смущения; она мучительно краснела, даже ключицы у неё порозовели, а уши стали пунцовыми.

Вот чего не переносил Давыдов!

Не переносил уже по одному тому, что, глядя на какую-нибудь краснеющую женщину, он почему-то и сам начинал краснеть, и от этого всегда испытывал ещё большее чувство смущения и неудобства.

Он сел на предложенный ему стул около небольшого столика, а девушка, отойдя к окну, стала раздельно диктовать ученикам:

— Ма-ма го-то-вит... Написали, дети? Го-то-вит нам о-бед. После слова «обед» поставьте точку. Повторяю...

Вторично написав предложение, ребяташки с любопытством уставились на Давыдова. Он с нарочитой важностью провёл пальцами по верхней губе, делая вид, будто разглаживает усы, и дружески подмигнул ребятам. Те заулыбались, добрые отношения начали будто бы налаживаться, но учительница снова стала диктовать какую-то фразу, привычно разбивая слова на слоги, и ребяташки склонились над тетрадями.

В классе пахло солнцем и пылью, застойным воздухом редко проветриваемого помещения. Теснившиеся у самых окон кусты сирени и акации не давали прохлады. Ветер шевелил листья, и по выщербленному полу скользили солнечные зайчики.

Сосредоточенно сдвинув брови, Давыдов занялся подсчётом: «Надо не меньше двух кубометров сосновых досок — заменить кое-где половицы. Рамы в окнах хорошие, а двойные — в каком виде и есть ли они, надо узнать. Купить ящик стекла. Наверное, нет в запасе ни одного листа, а чтобы ребята не колоутили стёкла — это же невозможное дело, факт! Хорошо бы добыть свинцовых белил, а вот сколько этого добра пойдёт на покраску потолков, наличников, рам и дверей? Уточнить у плотников. Крыльцо заново настелить. Можно из своих досок: распилил две вербы — и готово. Ремонт нам влезет в копееч-

ку... Дровяной сараишко заново покрыть соломой. Да тут до чёрта делов, факт! Закончим с амбарами — и сразу же переброшу сюда всю плотницкую бригаду. Крышу бы на школе заново покрасить... А где деньги? Разобьюсь в доску, но для школы добуду! Факт! Да оно и разбиваться не к чему: продадим пару выбракованных быков — вот и деньги. Придётся из-за этих быков с райисполкомом бой выдержать, иначе ничего не выйдет... А худо мне будет, если продать их тайком... Но всё равно рискну. Неужели Нестеренко не подержит?»

Давыдов достал записную книжку, написал: «Школа. Доски, гвозди, стекло — ящик. Парижская зелень на крышу. Белила. Олифа...»

Хмурясь, дописывал он последнее слово, и в это время пущенный из трубки маленький влажный шарик разжёванной бумаги мягко щёлкнул его по лбу, прилип к коже. Давыдов вздрогнул от неожиданности, и тотчас же кто-то из ребяташек прыснул в кулак. Над партами прошелестел тихий смешок.

— Что там такое? — строго спросила учительница.

Сдержанное молчание было ей ответом.

Отлепив шарик со лба, улыбаясь, Давыдов бегло осмотрел ребят: белёдые, русые, чёрные головки низко склонились над партами, но ни одна загорелая ручонка не выводила букв...

— Закончили, дети? Теперь пишите следующее предложение...

Давыдов терпеливо ждал, не сводя смеющихся глаз со склонённых головок. И вот один из мальчиков медленно, воровато приподнял голову, и Давыдов прямо перед собою увидел старого знакомого: не кто иной, как сам Федотка Ушаков, которого он однажды весной встретил в поле, смотрел на него узенькими щёлками глаз, а румяный рот его расползлся в широчайшей, не-

удержимой улыбке. Давыдов глянул на плутовскую рожицу и сам чуть не рассмеялся вслух, но, сдержавшись, торопливо вырвал из записной книжки чистый лист, сунул его в рот и стал жевать, быстро взглядывая на учительницу и озорно подмигивая Федотке. Тот смотрел на него во все глаза, но, чтобы не выдать улыбки, прикрыл рот ладошкой.

Давыдов, наслаждаясь Федоткиным нетерпением, тщательно и не спеша скатал бумажный мякиш, положил его на ноготь большого пальца левой руки, зажмурил левый глаз, будто бы прицеливаясь. Федотка надул щёки, опасно вообрал голову в плечи, — как-никак шарик был не маленький и увесистый... Когда Давыдов, улучив момент, лёгким щелчком послал шарик в Федотку, тот так стремительно нагнул голову, что гулко стукнулся лбом о парту. Выпрямившись, он уставился на учительницу, испуганно вытаращил глазёнки, стал медленно растирать рукою покрасневший лоб, а Давыдов, беззвучно трясясь от смеха, отвернулся и по привычке закрыл ладонями лицо.

Разумеется, поступок его был непростительным ребячеством, и надо было соображать, где он находится. Овладев собою, он с виноватой улыбкой покусился на учительницу, но увидел, что она, отвернувшись к окну, также пытается скрыть смех.

Худенькие плечи её вздрагивали, а рука со скомканным платочком тянулась к глазам, чтобы вытереть выступившие от смеха слёзы...

«Вот тебе и строгий попечитель... — подумал Давыдов. — Нарушил весь урок. Надо отсюда смываться».

Сделав серьёзное лицо, он взглянул на Федотку. Живой, как ртуть, мальчишка уже нетерпеливо ёрзал за партой, показывая пальцем себе в рот, а потом раздвинул губы: там, где некогда у него была щербатина, — торчали два

широких иссиня-белых зуба, ещё не выросших в полную меру и с такими трогательными зубчиками по краям, что Давыдов невольно усмехнулся.

Он отдыхал душой, глядя на детские лица, на склонённые над партами разномастные головки, невольно отмечая про себя, что когда-то, очень давно, и он вот так же, как Федоткин сосед по парте, имел привычку, выводя буквы или рисуя, низко клонить голову и высовывать язык, каждым движением его как бы помогая себе в нелёгком труде. И опять, как весною при первом знакомстве с Федоткой, он со вздохом подумал. «Легче вам, птахи, жить будет, да и сейчас легче живётся, а иначе за что же я воевал? Уж не за то ли, чтобы и вы хлебали горе лаптем, как мне в детстве пришлось?»

Из мечтательного настроения его вывел всё тот же Федотка: словно на шарнирах вертясь за партой, он привлёк внимание Давыдова, знаками настойчиво прося показать, как у того обстоит дело с зубом. Давыдов улучил момент, когда учительница отвернулась, и, огорчённо разводя руками, обнажил зубы. Увидев знакомую щербатину во рту Давыдова, Федотка прыснул в ладошки, а потом с величайшим самодовольством заулыбался. Весь его торжествующий вид красноречивее всяких слов говорил: «Вот как я тебя обставил, дядя! У меня-то зубы выросли, а у тебя — нет!»

Но через минуту произошло такое, о чём Давыдов и долгое время спустя не мог вспоминать без внутреннего содрогания.

Расшалившийся Федотка, снова желая привлечь к себе внимание Давыдова, тихонько постучал о парту, а когда Давыдов рассеянно взглянул на него, — Федотка, важно откинувшись, полез правой рукой в карман штанишек, вытащил и опять быстро сунул в карман ручную гранату — «лимонку».

Всё это произошло так мгновенно, что Давыдов в первый момент только ошалело заморгал, а бледнеть начал уже после...

«Откуда у него?! А если капсуль вставлен?! Стукнет по сиденью, и тогда... О, чёрт тебя, что же делать?!» — с жарким ужасом думал он, закрыв

этот вариант. Всё ещё не открывая глаз, он мучительно искал выхода, торопил мысль, а воображение помимо его воли услужливо рисовало жёлтую вспышку взрыва, дикий короткий вскрик, изуродованные детские тела...

Только теперь он ощутил, как медленно стекают со лба капельки пота,

глаза и не чувствуя, как пот прохладной испариной выступил у него на лбу, на подбородке, на шее.

Надо было что-то немедленно предпринять. Но что? Встать и попытаться силой отобрать гранату? А если мальчишка испугается, рванётся из рук и ещё, чего доброго, успеет швырнуть гранату, не зная, что за этим последует его и чужая смерть... Нет, так делать не годится. Давыдов решительно отверг

скользят по бокам переносицы, щекочут глазницы. Он хотел достать носовой платок и нащупал в кармане перочинный нож — давнишний подарок одного старого друга. Давыдова осенило: правой рукой он вытащил нож, рукавом левой — вытер обильный пот на лбу и с таким подчёркнутым вниманием стал вертеть и разглядывать нож, как будто видел его впервые в жизни. А сам искал поглядывал на Федотку.

Нож был старенький, сточенный, но зато боковые перламутровые пластинки его тускло сияли на солнце, а кроме двух лезвий, отвёртки и штопора, в нём имелись ещё и великолепные маленькие ножницы. Давыдов последовательно открывал все эти богатства, изредка и коротко взглядывая на Федотку. Тот не сводил с ножа зачарованных глаз. Это был не просто нож, а чистое сокровище! Ничего равного по красоте он ещё не видел. Но когда Давыдов вырвал из записной книжки чистый листок и тут же, быстро орудуя ножничками, вырезал лошадиную голову, — восторгу Федоткиному не было конца!

Вскоре урок окончился. Давыдов подошёл к Федотке, шёпотом спросил:

— Видал ножичек?

Федотка проглотил слюну, молча кивнул головой.

Наклонившись, Давыдов шепнул:

— Меняться будем?

— А кого на кого менять? — ещё тише прошептал Федотка.

— Нож на железку, какая у тебя в кармане.

Федотка с такой отчаянной решимостью согласия закивал головой, что Давыдов должен был попридержать его за подбородок. Он сунул в руку Федотки нож, бережно принял на ладонь гранату. Капсюля в ней не оказалось, и Давыдов, часто дыша от волнения, выпрямился.

Рис. В. ЛОСИНА

Дорогие наши читатели — октябрята!

Когда вы станете взрослыми, вы будете читать книги Михаила Александровича Шолохова. Вы много узнаете из этих книг о жизни нашего народа.

В книге «Поднятая целина», отрывок из которой вы прочитали, рассказывается о создании колхоза. На хутор Гремячий Лог приехал Семён Давыдов — путиловский рабочий, посланец Коммунистической партии. Вместе с другими коммунистами он создал колхоз и стал его первым председателем.

ВЕРОНИКА ГРИГОРЮК, 6 лет. Хотим стать чемпионами.

НАШ КОНКУРС

СТАНУ СОЛДАТОМ

Наш народ — победитель. Мы разбили фашистов, потому что были сильнее их. Тогда не только взрослые, но даже пионеры становились на войне героями. А в тылу дети помогали взрослым и часто даже заменяли их.

Моя мама в войну была школьницей, но она со своим классом собирала деньги на боевой самолёт и разные тёплые вещи для солдат. Мамина мама делала на заводе снаряды. Значит, они тоже сражались с фашистами.

А сейчас наша страна самая сильная в мире. Но Советский Союз ни на кого не думает нападать. Тогда почему же я собираюсь стать солдатом? А потому, что у нас должна быть крепкая армия, чтобы никто никогда не задумал нарушить наш мир.

ДИМА ПОЛУЭКТОВ, 10 лет.

АЛЁША ДЕДОВ, 6 лет. Я везу урожай с поля на элеватор.

ЕСЛИ ЗАВТРА СТАНУ ВЗРОСЛЫМ

ЕСЛИ ЗАВТРА СТАНУ ВЗРОСЛЫМ

Слава солдату, взорвавшему дот врага, слава подбившему танк, слава сбившему самолёт, слава тому, кто первым бросился в атаку. И орден храбрецу! Солдатскую «Славу». И ещё звание сержанта.

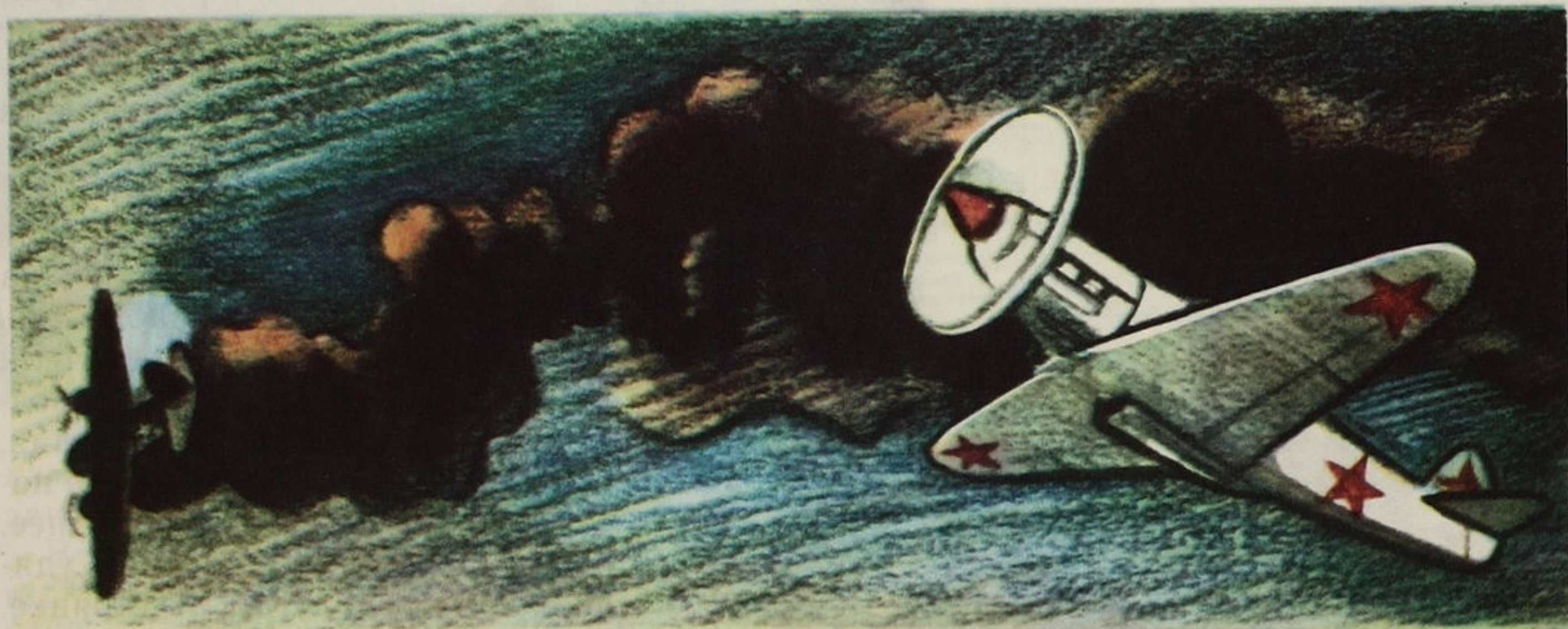
Кто совершал три подвига, тот награждался тремя орденами Славы, сначала орденом третьей степени, потом второй, потом первой. Полных кавалеров ор-

дена Славы две тысячи четыреста пятьдесят шесть. Первым такой чести удостоился гвардии старший сержант Николай Андреевич Залётов.

Был во время войны случай, когда за храбрость в бою орденами Славы были награждены сразу триста пятьдесят человек — все бойцы первого батальона 215-го гвардейского стрелкового полка.

С Л А В А Л Ё Т Ч И К А М!

А. МИТЯЕВ

Дорогой октябрёнок! Ты прочитал рассказы о том, как воевали советские бойцы на земле и на море. Теперь рассказ о воздушных войнах, о лётчиках.

У лётчиков на войне было много разных дел: воевать с самолётами фашистов — раз, бомбить вражеские войска, а также мосты, станции, склады, дороги — два, вести разведку и наблюдать с воздуха за неприятелем — три, летать к партизанам, доставлять им оружие, боеприпасы — четыре, перевозить раненых — пять, доставлять срочные при-

Рис. Ю. КОПЕЙКО

казы и донесения — шесть, сбрасывать парашютные десанты — семь.

Семь дел у лётчиков на войне. Для каждого дела были особые самолёты: истребители, бомбардировщики, штурмовики, санитарные, транспортные...

Самый быстрый самолёт, гроза всех других самолётов — истребитель. На нём только один лётчик. Он и машиной управляет, и радиосвязь держит, и стреляет из пушки и пулемётов. Очень умелым должен быть такой человек и очень смелым.

У наших лётчиков был обычай — рисовать красную звёздочку на своём самолёте, если сбит самолёт фашистский. На истребителе Александра Ивановича Покрышкина было 59 звёздочек, на истребителе Ивана Никитича Кожедуба — 62! За такую доблесть эти лётчики удостоились чести стать трижды Героями Советского Союза.

А вот лётчик Александр Константинович Горовец сбил девять вражеских машин в одном воздушном бою. Столько не сбивал ни один лётчик в мире.

Истребитель маленький. Много патронов и снарядов не возьмёшь с собой. И наши лётчики, когда кончались боеприпасы, применяли таран — настигали вражеский самолёт и пропеллером обрубали ему хвост или крыло. Борис Иванович Ковзан таким отважным способом сбил четыре немецких самолёта и каждый раз благополучно долетал до своего аэродрома.

Трудно сбить самолёт в воздухе. Легче уничтожить его, когда он стоит на земле. Но в том случае, если застанешь врага врасплох. Иначе его истребители в считанные минуты поднимутся в воздух, да ещё ударят зенитные орудия, которые охраняют аэродром. Так что получится не легче, а гораздо труднее. И всё же наши лётчики наносили удары по немецким самолётам на стоянке.

Фашисты часто бомбили железнодорожный мост на дороге в осаждённый Ленинград. Причём бомбардировщики и истребители немцев располагались на разных аэродромах. Из разных мест летели они к мосту. Там истребители вступали в бой с нашими ястребками, а бомбардировщики тем временем сбрасывали бомбы. Вот бы сделать так, чтобы бомбардировщики врага оказались одни, без охраны...

Однажды под вечер наши самолёты сбросили мелкие бомбы на аэродром, где стояли вражеские истребители. Фашистов это не встревожило — ни один

их истребитель не пострадал. Они не догадывались, что взрывы бомб нужны были нам для того, чтобы заглушить визг металлических колючек, которые были сброшены одновременно и в большом количестве. На рассвете нового дня советские бомбардировщики и штурмовики совершили на аэродром настоящий налёт. «Мессершмитты», «фокке-вульфы» хотели подняться в воздух, но шипы прокалывали колёса, при разбеге истребители переворачивались, даже вставали на нос. В это время на них посыпались бомбы. Около двадцати истребителей потерял в тот раз противник. Досталось и бомбардировщи-

кам, которые прилетели бомбить мост, — защищать-то их было некому.

В годы Великой Отечественной войны Героями Советского Союза стали 2420 лётчиков, из них 65 получили это звание дважды, а двое — трижды. Слава советским лётчикам!

НАШИ САМОЛЁТЫ

Раньше самые быстрые истребители летали со скоростью чуть больше шестисот километров в час. Современный истребитель за час пролетает три тысячи километров. Раньше самолёт мог подняться на высоту десять километров, теперь поднимается на тридцать.

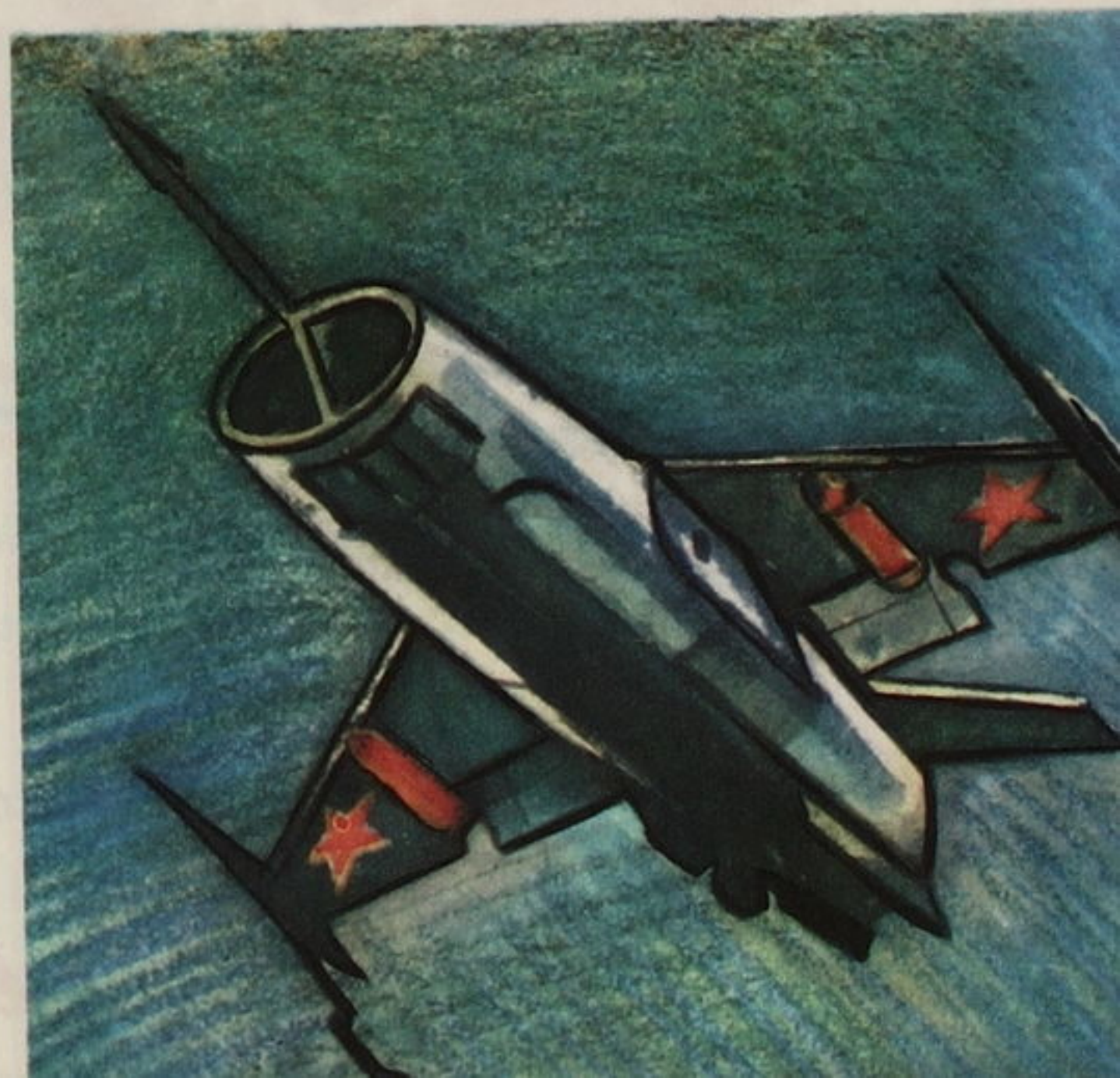
Ты, читатель, уже знаешь, что ракеты стали оружием сухопутных войск и

морского флота. Ракетами вооружилась и авиация. Большие самолёты, которые могут пролететь многие тысячи километров без посадки, так и называются — ракетноносцы. Самые маленькие самолёты — истребители-перехватчики сбивают вражеские самолёты или ракеты тоже ракетами.

Есть у нас транспортные самолёты, которые могут перевозить на большое расстояние десантников с их пушками, танками, автомобилями. Есть такие самолёты, которым не нужна взлётная полоса, они поднимаются прямо вверх с небольшой площадки, подобно вертолётам. Вертолёты — это тоже новые машины в нашей авиации, во время войны вертолётов ещё не было.

Закончился наш рассказ о том, как воевали против фашистов пехотинцы, артиллеристы, танкисты, моряки и лётчики. А ещё врага били кавалеристы, сапёры, минёры, связисты, партизаны... Всем им, всем бойцам и командирам, поровну принадлежит честь победителей. Всем им — слава!

ВЕСЕННИЕ ЗАДАЧИ

Рис. М. РЕБИНДЕР

Сделай сарафан Весне понаряднее. То, что под цифрой 1, крась зелёным, под цифрой 2—красным, под цифрой 3—синим.

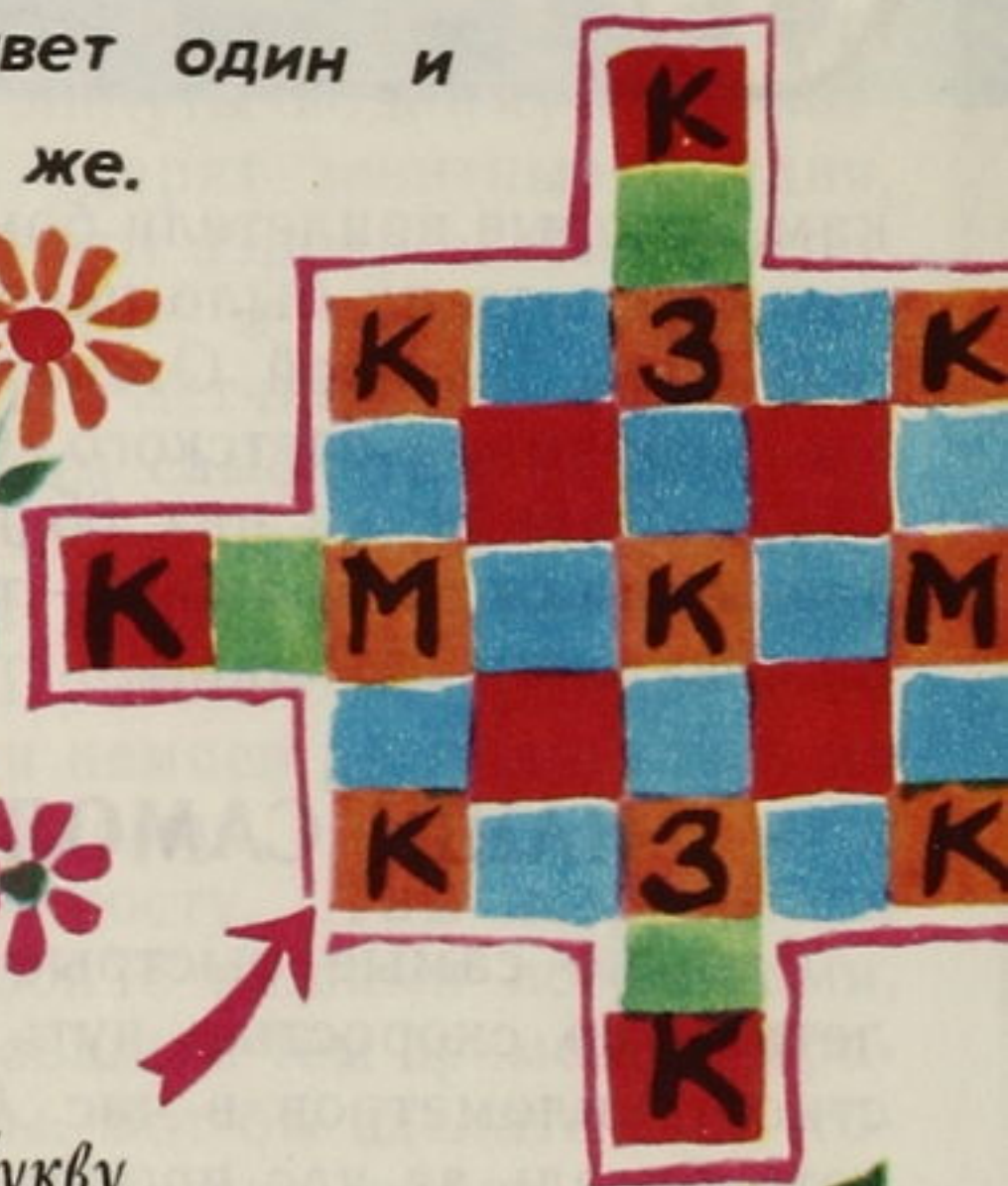
Доброе, а глaдeть нa сeбя нe вeлит.

ЗАГАДКА.

Если не отгадаешь загадку сразу, то попробуй разгадать ребус.

Ответ один и тот же.

Впиши в пустые клеточки восемь раз одну букву и восемь раз другую, тогда прочтёшь четыре раза одно слово и четыре раза другое. Оба слова и с начала и с конца читаются одинаково.

ПАПА, МАМА И Я

До чего страшно потеряться в лесу! Заблудились журавлята, тетеревята, утята. Где папа с мамой? Кто из беды выручит?

И мамы с папами в тревоге: где журавлята, тетеревята, утята?
Помогите найти, приведите домой!

Ребята! Внимательно разглядите картинку. Найдите птиц-родителей и их птенцов.
Проверить, правильно ли вы нашли их, сможете в седьмом номере «Мурзилки».

Н. СЛАДКОВ

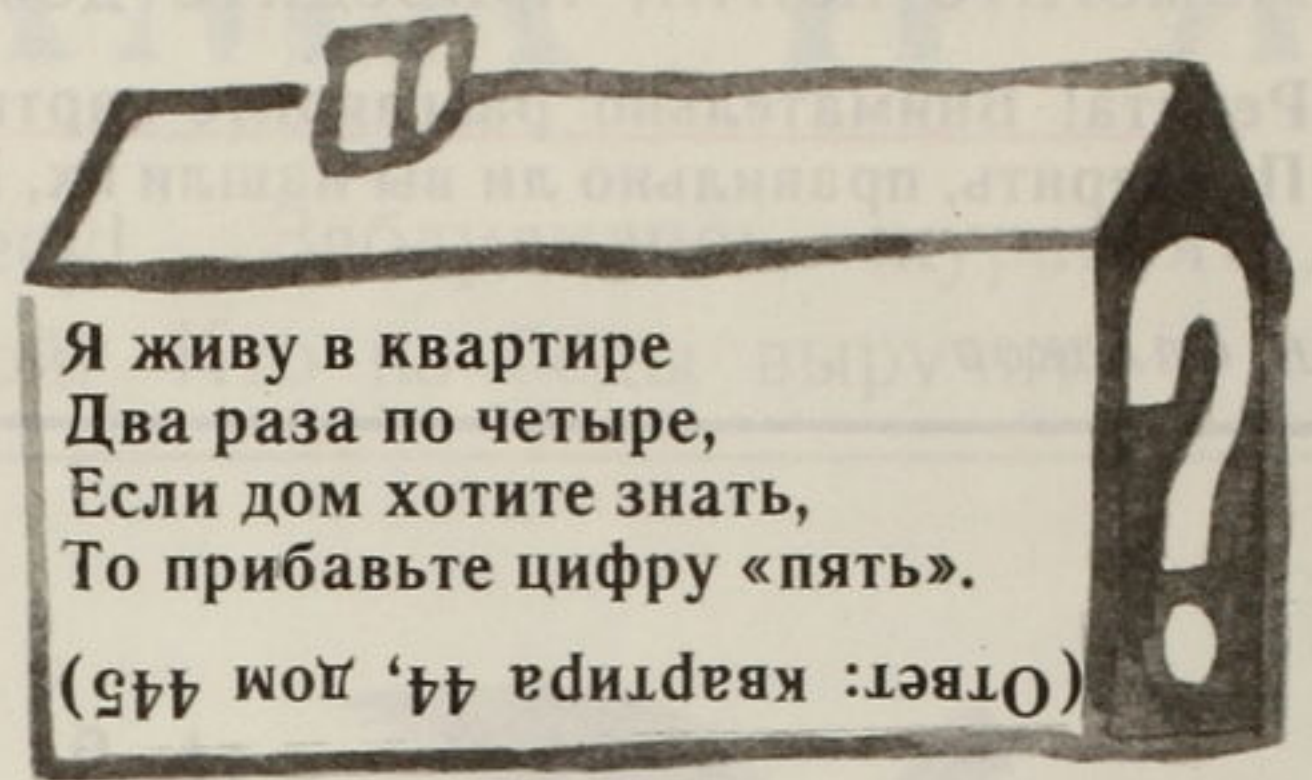
Рис. П. БАГИНА

А. ТАРАСКИН

ГДЕ Я ЖИВУ?

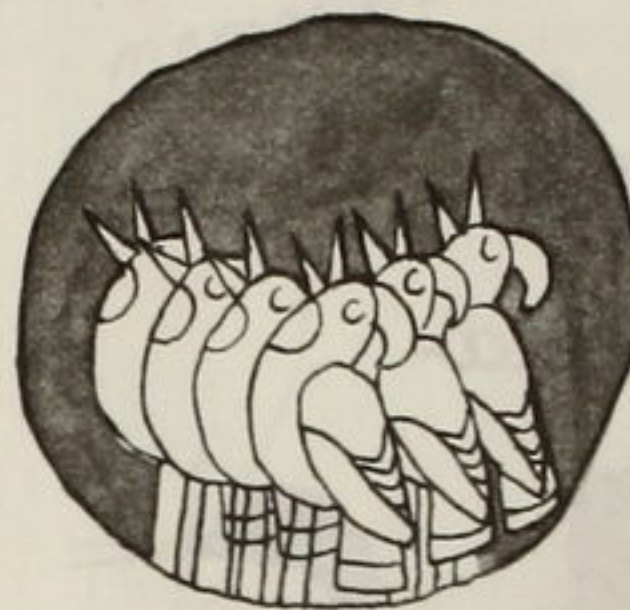
Я живу в квартире
 Два раза по четыре,
 Если дом хотите знать,
 То прибавьте цифру «пять».

(Ответ: квартира 44, дом 445)

СТРИЖКА

А. ШЛЫГИН

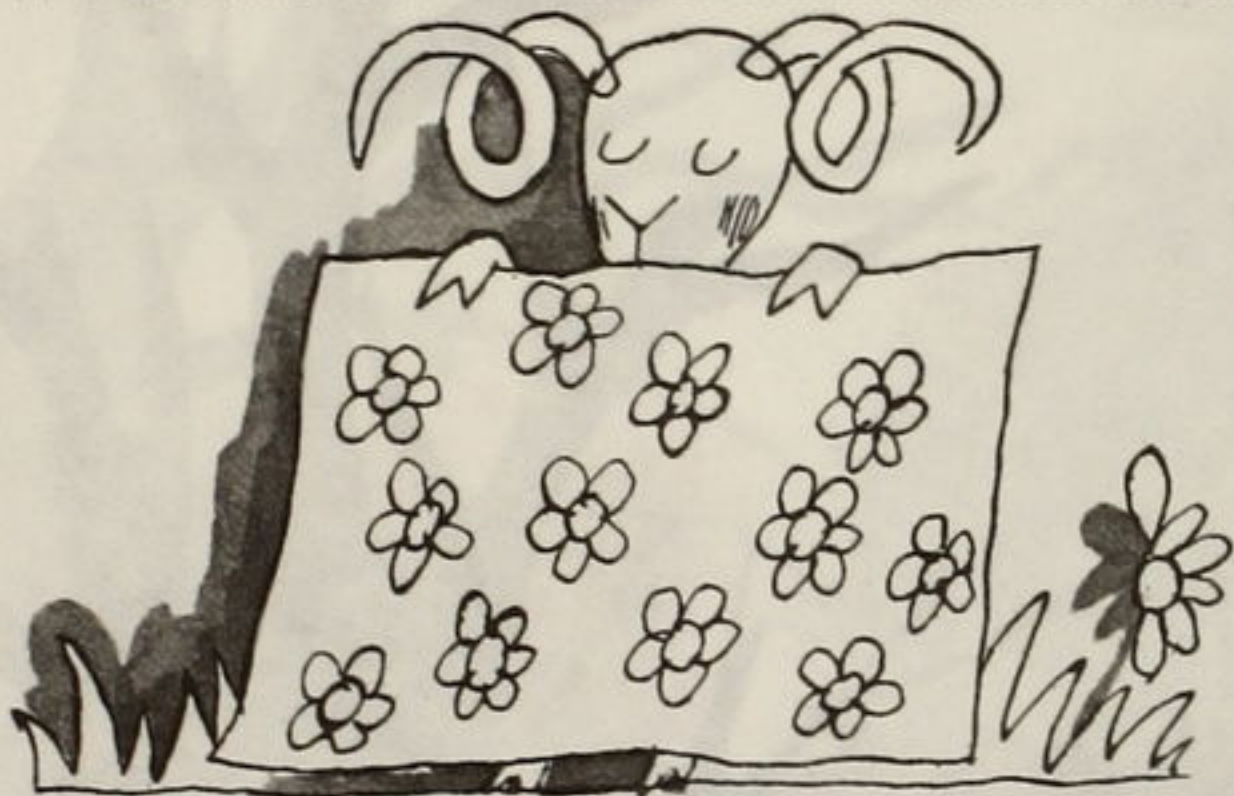
Прибежал барашек маленький —
 Только-только рассвело:
 — Раз нужны ребятам валенки,
 Остригаюсь наголо.

СКОРОГОВОРКА

А. ТАРАСКИН

Сидели свистели
 Семь свиристелей.

ЗАГАДКИ

Л. УЛЬЯНИЦКАЯ

Великан стоит в порту,
 Освещая темноту,
 И сигналил кораблям:
 «Заходите в гости к нам!»
 (Маяк)

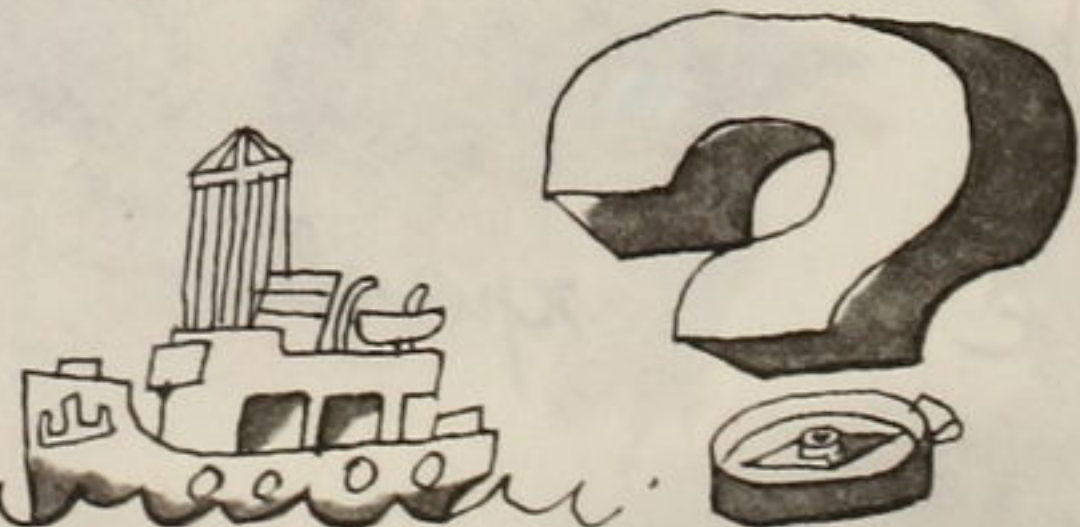
И в тайге, и в океане
 Он отыщет путь любой.
 Умещается в кармане,
 А ведёт нас за собой.

(Компас)

Раим ФАРХАДИ

ЛЕПЁШКА

Стала бабушка Ночь
 Звёзды-зёрна толочь.
 Испекла ребятишкам лепёшку.
 — Подойдите, внучата, к окошку!
 До чего аппетитна она,
 Золотая лепёшка — .... !

СКОРОГОВОРКА

Г. ЛАГЗДЫНЬ

Мыла Мила мишку мылом,
Мила мыло уронила,
Уронила Мила мыло,
Мишку мылом не домыла.

Редактор
В. Матвеев

Редколлегия:

З. Александрова,
С. Алексеев,
А. Барто,
Л. Воронкова,
А. Ермолаев,
Н. Емельянова,
Е. Ершова
(зам. редактора),
Ю. Казаков,
М. Коршунов,
А. Митяев,
Ю. Молоканов,
К. Орлова
(ответственный
секретарь),
Е. Рачёв,
Н. Чеснокова,
В. Чижиков

Художественный
редактор
Г. Макавеева

Технический
редактор
Л. Петрова

Сдано в набор
10/III 1975 г.
Подписано к печати
25/III 1975 г.
Формат 84×108^{1/16}.
Печ. л. 2 (усл. 3,36).
Уч.-изд. л. 4.
Тираж 5 800 000 экз.
Цена 10 коп.
Заказ 313.

Адрес редакции,
издательства
и типографии
ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»:
103030, Москва,
К-30, ГСП-4,
Суцёвская, 21.
Телефон 250-45-08.

Рисунок
на обложке
Ю. КОПЕЙКО

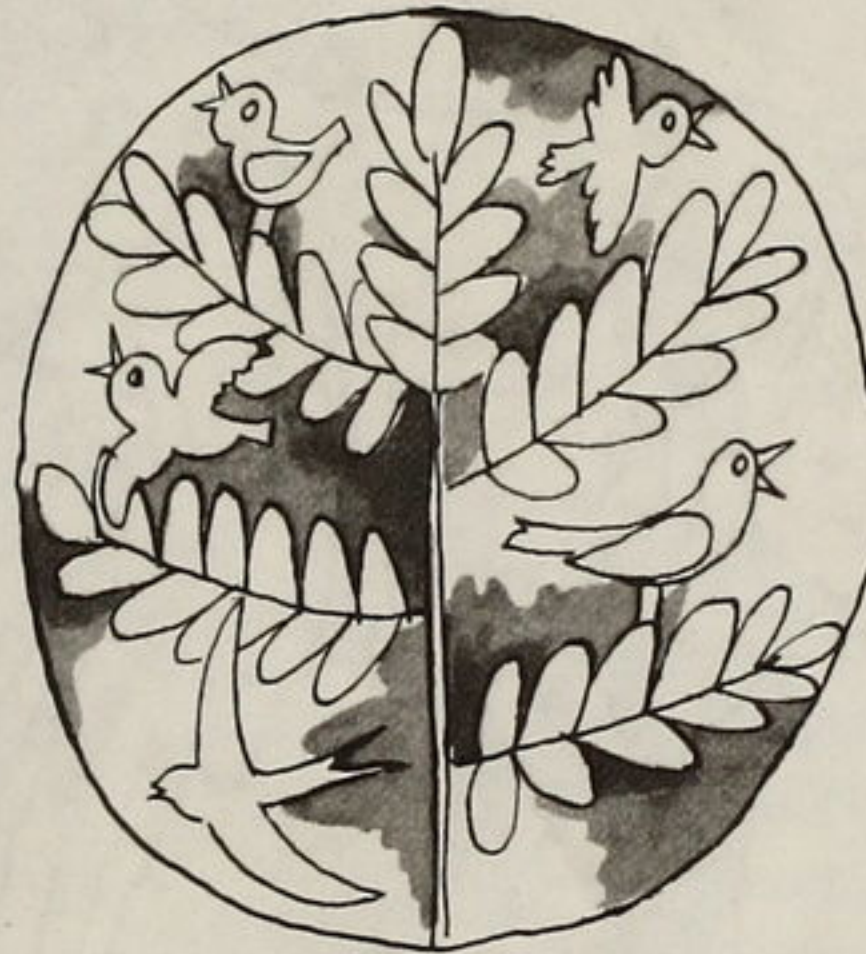
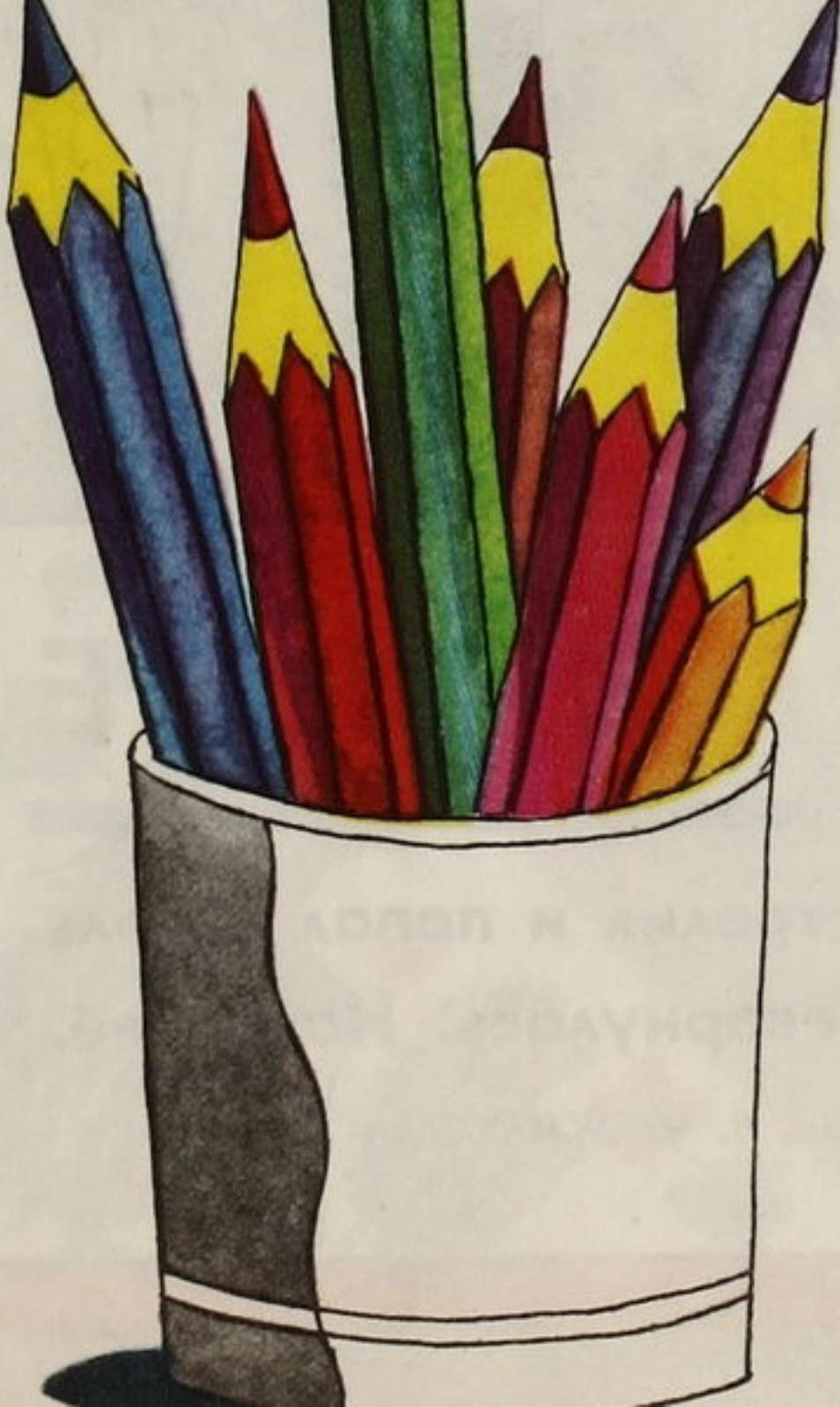
В ТИХОМ ЗАКОУЛКЕ

Г. ЛАГЗДЫНЬ

Кот на солнышке сидит
В тихом закоулке.
Глаз закрыт,
Другой закрыт.
Кот играет в жмурки.
— С кем играешь, Васенька?
— Мяу, с солнцем красненьким.

Ребята!
Цветными
карандашами
раскрасьте
рисунки.

СКОРОГОВОРКА

Л. УЛЬЯНИЦКАЯ

В роще щебечут
Стрижи,
Чечётки,
Щеглы
И чижи.

Индекс 70553

Цена 10 коп.

В Т И Р Е

Мальчик выстрелил и попал в цель.
Мишень перевернулась. Найди её.

Рис. В. ЧИЖИКОВА